

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКА ДВОРЯНКА-1 В ПРИМОРЬЕ

Николай Александрович КЛЮЕВ,
кандидат исторических наук

Алла Викторовна ГАРКОВИК, научный сотрудник
Института истории ДВО РАН

Последние два десятилетия в археологии Приморья отмечены активизацией исследований в области неолитоведения, преимущественно связанных с открытием и изучением новых памятников, осмыслением материалов известных*. Полученные данные дают основу для обсуждения вопросов о выделении локальных вариантов и хронологических этапов хорошо известных в Приморье археологических культур и выделения новых, а также внутренней периодизации неолита региона в целом¹.

Одним из археологических памятников, материалы которого представляют аргументы для выделения нового неолитического культурного комплекса, является памятник Дворянка-1.

Он был открыт в 1997 г. в ходе археологической разведки в Западном Приморье в долине р. Комиссаровки. Располагается на юго-западной оконечности вершины длинной скалистой сопки высотой до 45 м., протянувшейся вдоль правого берега реки, в 2 км к северо-северо-востоку от с. Дворянки. Поселение имеет внешние признаки. С севера и востока оно укреплено двумя валами и двумя рвами: они огораживают площадку размерами 46 на 33 м. Было выявлено также 4 западины от древних сооружений. Три из них располагались в юго-западной части памятника, где и было решено провести раскопки в 2004 г. Площадь раскопа составила 86 кв. м; он захватил одну из западин. Мощность культурного слоя достигала 1 м. Полученная археологическая коллекция включает в себя около 6000 фрагментов керамики и артефактов из камня, более 150 индивидуальных находок. Остеологический материал представлен костями животных и человека (соответственно 1500 экземпляров и 250).

* Работа выполнена в рамках реализации проектов, поддержанных РФФИ (№ 03-06-80264, 04-06-88034) и Президиумом РАН (Программа «Этнокультурное взаимодействие в Евразии»).

Проведенный типологический и стратиграфический анализ показал, что памятник Дворянка-1 является многослойным.

Наиболее представительным в раскопе оказался неолитический горизонт и, что немаловажно, он четко прослежен стратиграфически. Полностью было раскопано жилище с углубленным основанием — четырехугольное в плане, но с округленными углами. Площадь его достигала 30 кв. м. В силу особенностей рельефа (близкие к поверхности выходы коренных скальных пород) глубина жилища была небольшой и не превышала 40 см. Располагаясь на небольшом склоне, оно имело бортики неодинаковой высоты. В жилище было выявлено два очага, тяготеющих к его центральной части. Один из них был по краям обложен камнями, а ложе второго было выдолблено непосредственно в скале. Около очагов располагались хозяйственные ямы. Жилище имело каркасно-столбовую конструкцию. Зафиксировано 4 ямы от основных опорных столбов, образующих в плане правильный четырехугольник. Вспомогательные столбы находились вдоль бортиков жилища как с внутренней их части, так и с внешней. Жилище пострадало от пожара, о чем говорит характер его заполнения. Непосредственно на полу были обнаружены многочисленные развалы сосудов, изделия из камня и кости. Северо-западная часть жилища частично (до пола) была разрушена более поздним сооружением — погребением в каменном ящике эпохи палеометалла. Преимущественно в южной части жилища в хозяйственных ямах было найдено большое количество костей животных. Так, в одной из ям было расчищено несколько конечностей оленя, а в другой — челюсти кабана. При проведении реставрационных работ выяснилось, что некоторые кости были сознательно пробиты человеком.

Полученный из жилища археологический материал представляет собой единый, типологически выдержанный комплекс. Особенно это хорошо проявляется при анализе керамической коллекции, представленной фрагментами лепных сосудов, украшенных нешироким орнаментальным бордюром в верхней части. При изготовлении этих емкостей использовалось гончарное тесто из запесоченной глины с добавлением дробленого кварца. В результате формовочная масса содержит значительное количество непластичных примесей. Размеры алевритистой примеси: 0,01—0,05—0,1 см, размер зерен минерального отощителя колеблется от 0,1×0,1 см до 0,2×0,4—0,3×0,4 см. Фиксируются керамические изделия, изготовленные из теста с более тонкой текстурой, с черепком 0,3—0,5 см. Толщина стенок изделий, изготовленных из гончарной массы с более грубой текстурой, 0,6—0,9 см.

Технология формовки сосудов документируется наличием фрагментов, расколовшихся по спаям лент и многочисленным наблюдениям разломов черепков, в которых фиксируются наложения двух слоев глины. Эти наблюдения дают основания считать ленточно-кольцевой налеп основным технологическим приемом моделирования сосудов. Равномерная толщина стенок, полная нивелировка стыковочных швов, незначительное количество обломков с разломами по спаям лент могут служить основой для предположения об использовании техники выбивки.

Визуальные исследования фрагментов керамики показывают, что внутренняя и внешняя поверхности сосудов отделялись достаточно тщательно. Эти наблюдения дают основания предполагать, что их обработка производилась в два приема. Первая, послеформовочная выполнялась жестким орудием, оставляющим рельефные, субпараллельные следы. Повторное, окончательное

заглаживание выполнялось тщательно. Вероятно, оно осуществлялось жестким гладким орудием (типа гальки). В результате рельефные следы первичной обработки практически полностью сглаживаются и фиксируются лишь на отдельных участках сосудов. Окончательное заглаживание делалось тщательно, возможно, по хорошо увлажненной поверхности черепка, таким образом, что глинистая субстанция перекрывала проступающие зерна минералов. В отдельных случаях можно предположить обмазывание сосудов тонким слоем мелкодисперсной глины.

Обжиг керамической посуды был достаточно высоким, о чем свидетельствует хорошее качество черепка: он плотный, твердый, «несыпучий», с хорошо спекшимися частицами. Наружный цвет изделий варьирует в гамме коричневого цвета: от темного коричнево-бурого, красновато- и желтовато-коричневого до светлого охристо-коричневого. Внутренняя поверхность сосудов была преимущественно темно-серой. В изломе черепки, как правило, одноцветные, чаще всего темно-серые, реже — блекло-коричневого цвета. Толщина черепка варьирует в зависимости от размера сосуда. Некрупные изделия (изготавливавшиеся, как правило, из тонкотекстурного теста) имели черепок 0,3—0,4—0,6 см толщиной. Крупные изделия — 0,6—0,9 см.

Форма сосудов единообразна. Это плоскодонные, слабо профилированные изделия, верхний край которых несколько отогнут наружу (табл. 1, рис. 1—3, 6—7). Контур дна четкий, угол сопряжения стенок и дна часто составляет 120—130°, реже — 105 и 140°, что также свидетельствует о незначительной выпуклости тулова сосудов. В полной мере судить о габаритах керамических емкостей не позволяет фрагментарность материала. Некоторые представления о размерах дают имеющиеся фрагменты сосудов с венчиками и обломки доньшек. Размеры диаметров верхнего края емкостей позволяют предварительно разделить их на четыре группы: очень крупные, крупные, средние, мелкие. К «очень крупным» отнесены изделия с диаметром венчиков 34—30 см, изделия с диаметрами 24—20 см составляют группу «крупных», сосуды с диаметром 15—12 см — «средние», диаметр «мелких» изделий равен 11—7 см. Большинство найденных доньшек имеет диаметр 13—9 см, и вероятно, могут быть сопоставлены с изделиями крупной и средней размерных групп.

Единственный практически целый сосуд относится к разряду «мелких» и имеет диаметр венчика 8 см, высоту 9 см, диаметр дна 4 см. Возможно, он дает представление о размерных пропорциях емкостей, при которых диаметр и высота изделий были одинаковы или близки по размерным показателям, а диаметр дна был меньше диаметра верхней части в два раза (табл. 1, рис. 3).

При общем единообразии формы сосудов оформление верхнего края имеет две основные разновидности: край сосуда был округлым или уплощенным. Первая разновидность представлена тремя вариантами: толщина округлого края сосуда такая же, что его стенки; край утоньшен выглаживанием изнутри; край несколько утолщен, образуя снаружи округлый «ободок» (табл. 1, рис. 1—3, 6) Вторая разновидность венчиков представлена двумя вариантами: край изделия уплощался сверху; верхний край сосуда уплощался со скосом наружу, образуя небольшой карнизик (табл. 1, рис. 5, 7, 11).

В декорировании сосудов также прослеживаются определенные закономерности и вариации. Общим является украшение верхней части керамических емкостей нешироким декоративным бордюром. Он располагался обычно в 0,6—0,65 см ниже верхнего обреза; ширина, как правило, равнялась 3—3,5 см,

реже — 2,5, 4—5 см. Орнаментальная композиция состоит из серии горизонтальных полос оттисков зубчатого штампа и фигурных оттисков и прочерков широкими глубокими бороздами в виде тупых широких углов или коротких дуг. Штампы содержали 12—13 зубцов, которые имели квадратную или прямоугольную форму. Размеры зубцов значительно варьировали: 0,1×0,1 см, 0,2×0,2 см, 0,2×0,4 см, 0,2×0,3 см. На некоторых изделиях фигурные оттиски несколько видоизменялись, являя собой «гибрид»: стороны широкого угла наносились слабо выгнутыми дугообразными линиями. В результате фигура становилась похожей на схематическое изображение летящих птиц, за что получило условное название «птички». Реже и эти изображения упрощались, превращаясь в короткие волнообразные прочерки.

Наиболее популярны бордюры, состоящие из серии оттисков зубчатого штампа, окаймленных сверху и снизу фигурными оттисками. Они представлены несколькими композициями: сверху и снизу расположены глубокие оттиски штампа в виде широких углов, попеременно вершинами вверх и вниз. Центральная часть композиции состоит из трех или четырех рядов оттисков зубчатого штампа. Вариантом такой композиции является бордюр, состоящий из шести рядов зубчатых оттисков, окаймленных сверху и снизу прочерченными фигурами в виде широких углов (табл. 1, рис. 1).

Разновидность бордюра составляют композиции из серии зубчатых оттисков, окаймленных дугообразными фигурами. Они представлены несколькими вариантами. Одни из них состоят из шести рядов зубчатых оттисков, сверху и снизу оконтуренных двойным рядом коротких дуг, расположенных выпуклой частью вверх. Другой вариант представлен композицией из трех рядов оттисков зубчатого штампа, сверху и снизу обрамленных двумя рядами дугообразных прочерков, выпуклой частью вниз (табл. 1, рис. 2, 10).

Еще два варианта составляют композиции, в которых ряды узора, окаймляющего серию зубчатых оттисков, состоят из двух рядов дуг, расположенных попеременно выпуклой частью вверх и вниз, а также из фигур в виде широких углов, образованных дугообразными прочерками, направленными вершинами вниз (табл. 1, рис. 4, 8, 11).

Следующие бордюры демонстрируют несколько иное построение орнаментальной композиции. Это выражается в том, что центральная часть композиции, состоящая обычно из серии оттисков зубчатого штампа, разбивается на две части, и в центр помещается полоса из нескольких рядов слабо выгнутых коротких дуг. Один из вариантов такого бордюра состоял из двух рядов зубчатых оттисков, двух рядов коротких дуг (выпуклой частью вниз), ниже которых располагались еще три ряда оттисков зубчатого штампа. Эти ряды оттисков оконтурены (сверху и снизу) одинарным рядом коротких дуг, выпуклой частью вниз (табл. 1, рис. 5, 6). Развитием этой тенденции представляются две другие сходные композиции. Одна из них состоит из четырех рядов зубчатых оттисков, между которыми располагаются пять рядов коротких слабо выгнутых дуг. Композиция окаймлена двойным рядом подобных дуг (выпуклой частью вниз) лишь снизу. Другая композиция составлена из последовательно (сверху вниз) расположенных 4—5 рядов зубчатых оттисков, 4—5 фигурных оттисков в виде «птичек», 3—4 рядов зубчатых оттисков. Оконтуривающие дугообразные элементы отсутствуют (табл. 1, рис. 3, 7). К этой же разновидности композиций можно отнести еще одну. Верхнюю и нижнюю части ее составляют оттиски зубчатого штампа, а центральная часть представляет собой широкую полосу узора

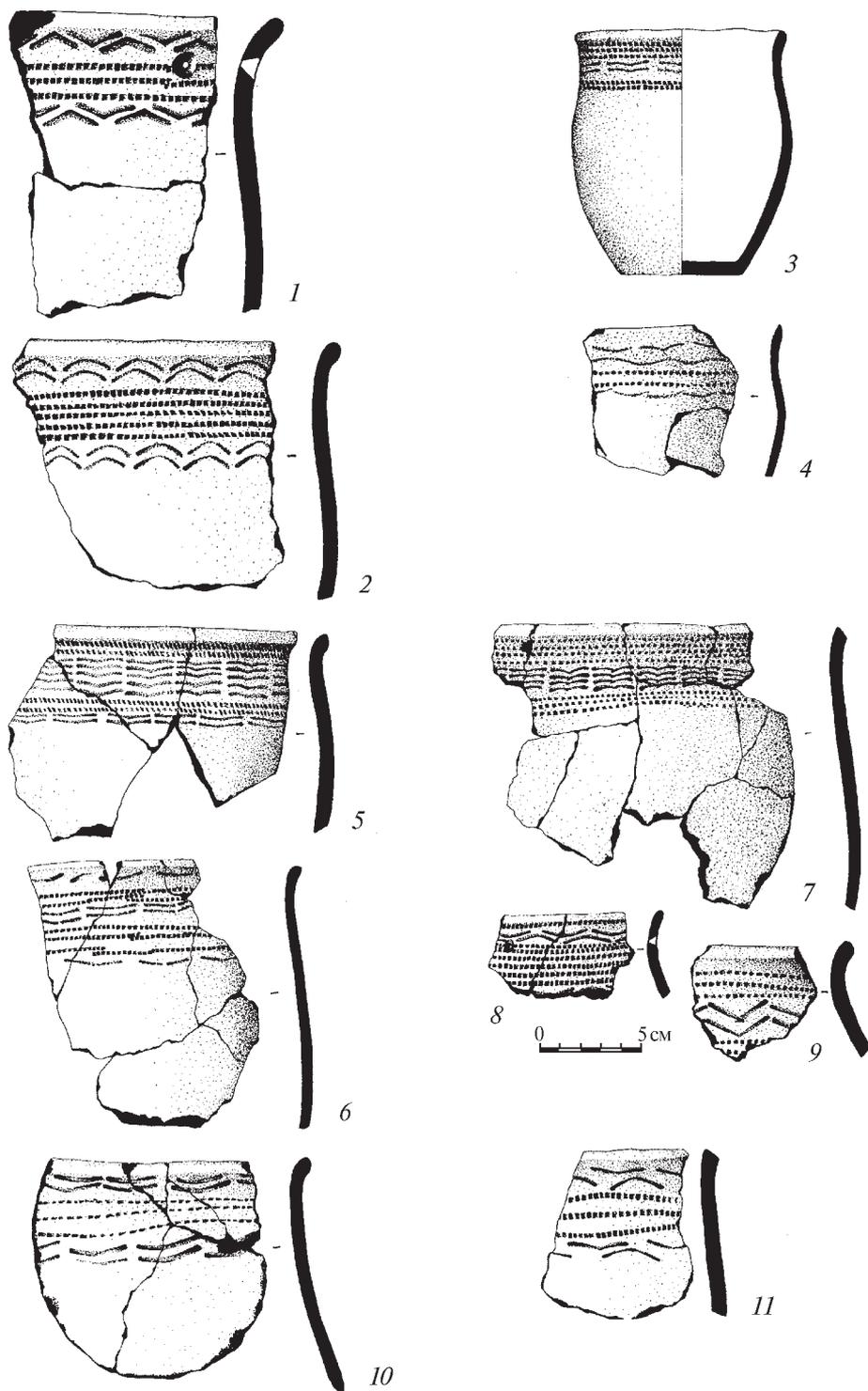

Табл. 1. Керамический мемориал Дворянка-1

из широких углов, нанесенную широкими бороздами, более похожую на ломаную линию (табл. 1, рис. 9).

Особняком стоит орнамент из нескольких рядов коротких дуг, расположенных в верхней части сосуда.

Исключительная монолитность описанного материала, которая проявляется как в технологии изготовления, формовке и отделке изделий, так и в единообразии форм и орнаментации, позволяет видеть в нем единый культурный комплекс, четко выделяющийся на фоне других материалов памятника Дворянка-1. Немаловажное значение имеет то, что основное количество керамики описанного типа (в том числе скопления от нескольких сосудов) встречены в заполнении жилища, особенно в его нижней части.

Керамика с подобной орнаментацией известна на археологических памятниках Западного и центрального Приморья. Она была встречена на многослойных памятниках Сергеевка-1², Петровичи³, Шекляево-7⁴. Первые два из них, а также такие памятники, как Сиротинка, Лузанова Сопка-5 и некоторые другие, рядом исследователей объединяются в одну культурную группу, не имеющую пока устоявшегося названия («ханкайская неолитическая культура»⁵, «приханкайская группа памятников руднинской культуры», памятники «сергеевского типа»⁶, «памятники типа Петровичи-Сиротинка»⁷). В керамический комплекс этой группы как одна из его составляющих частей, включается и описанная выше керамика из поселения Дворянка-1. Однако, думается, что после исследований на поселении Шекляево-7 в 2003—2004 гг., когда была предпринята попытка типологически выделить керамику с «птичками», а затем обнаружение подобного археологического комплекса в четких стратиграфических условиях на поселении Дворянка-1 в 2004 г. позволяют поднять вопрос о культурной специфике аналогичных комплексов. Тот факт, что керамика описанного типа к настоящему времени известна на 5—6 памятниках, дает возможность говорить о выделении новой культурной группы, которую мы предлагаем назвать шекляевской, так как именно материалы поселения Шекляево-7 (и особенно работы 2004 г.) дали первые серьезные основания для такого шага.

Открытие новой культурной группы ставит ряд вопросов, начиная с выяснения ее датировки и заканчивая определением путей распространения и культурными контактами. Расположение памятников в западной, северо-западной и центральной частях Приморья позволяет наметить возможный вектор движения носителей этой традиции: западная часть Приморья — Приханкайская низменность — центральное Приморье. Известно, что начало активных миграционных процессов в соседних районах Восточной Азии было связано с изменением (иссушением) климата в суббореале. Их население в поисках более благоприятных зон, вероятно, способствовало притоку инोकультурного населения и в Приморье. Северо-Восток Китая (Маньчжурия) был одним из районов, где эти процессы проявлялись достаточно отчетливо. Вполне вероятно, что появление памятников шекляевской культуры было частью этого глобального процесса, начало которого связывается с наступлением суббореала 5 тыс. лет назад.

Ряд признаков в керамическом материале описанного комплекса находит аналогии в более ранней руднинской археологической культуре. Это прослеживается в морфологии керамических сосудов: слабая профилировка тулова, незначительный отгиб верхнего края и такие варианты его оформления, как

скругленный край, совпадающий с толщиной стенки, уплощение его сверху, уплощение края со скосом наружу с образованием небольшого карнизика. Сходны технология формовки емкостей и качество отделки стенок. В орнаментации сосудов также имеются аналогии общего порядка. Прежде всего это укорачивание узкой полосой орнаментального бордюра, основные элементы которого выполнены техникой тиснения различными штампами, среди которых присутствуют сходные элементы: оттиски зубчатых штампов, углы и треугольники. Отмечены параллели и в каменном инвентаре. Так, в заполнении жилища на поселении Дворянка-1 были обнаружены удлинено-треугольные и иволистные шлифованные наконечники стрел с прямым основанием, ассиметрично-листовидный ретушированный нож-бифас, наконечник стрелы на пластине с краевой ретушью, «лощитель древков стрел» на овальной гальке. Исходя из имеющихся аналогий с материалом руднинской культуры, возможна и более ранняя датировка памятников шекляевской культурной группы. Вероятно, представители шекляевской группы и руднинской культуры в процессе их продвижения в западные и центральные районы Приморья контактировали друг с другом и вполне возможно, что памятники «сергеевского типа» отразили моменты таких контактов.

- ¹ Клюев Н.А., Гарковик А.В. Особенности керамических комплексов стоянки Дальний Кут-15 в Приморье (по результатам исследований 2000—2001 гг.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 3. С. 52—60; Клюев Н.А., Яншина О.В. Финальный неолит Приморья: новый взгляд на старую проблему // Россия и АТР. 2002. № 3. С. 67—78; Клюев Н.А., Яншина О.В., Кононенко Н.А. Поселение Шекляево-7 — новый неолитический памятник в Приморье // Россия и АТР. 2003. № 4. С. 5—15; Гарковик А.В. Неолитический керамический комплекс многослойного памятника Рыбак 1 на юго-западном побережье Приморья // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. Новосибирск, 2003. С. 94—101; Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новый керамический комплекс неолитического поселения Кроуновка 1 в Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. Новосибирск, 2003. С. 86—93; Морева О.Л., Попов А.Н., Фукуда М. Керамика с веревочным орнаментом в неолите Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002. С. 57—68; Попов А.Н. Неолит на Приханкайской низменности: по результатам исследований в Центральном Приморье в 2000—2002 гг. // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. Новосибирск, 2003. С. 183—185; Попов А.Н., Батаршев С.В., Крутых Е.Б., Малков С.С. Памятник Сергеевка-1 в Юго-Западном Приморье: стратиграфия и общая характеристика культурно-хронологических комплексов // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, Ч. 1. С. 161—167 и др.
- ² Лынша В.А. Сергеевка-1 — новая неолитическая стоянка на юге Приморья // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). Уссурийск, 1989. С. 43; Попов А.Н., Батаршев С.В., Крутых Е.Б., Малков С.С. Памятник Сергеевка-1 в Юго-Западном Приморье: стратиграфия и общая характеристика культурно-хронологических комплексов // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, Ч. 1. С. 166.
- ³ Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987. С. 101.
- ⁴ Клюев Н.А., Яншина О.В., Кононенко Н.А. Поселение Шекляево-7 — новый неолитический памятник в Приморье // Россия и АТР. 2003. № 4. С. 9—10.
- ⁵ См.: Сапфиров Д.А. Проблемы руднинской культуры Приморья // Арсеньевские чтения: Тез. докл. регион. конф. Уссурийск, 1985. С. 68—70.
- ⁶ Попов А.Н., Батаршев С.В., Крутых Е.Б., Малков С.С. С. 164.
- ⁷ Попов А.Н. Неолит на Приханкайской низменности: по результатам исследований в Центральном Приморье в 2000—2002 гг. // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. Новосибирск, 2003. С. 184.

SUMMARY: Candidate of Historical Sciences N. Kluev and a researcher A. Garkovic think over the cultural belongings of a Neolithic complex of Dvoryanka site in Primorye.